

Холдор Вулкан

26 глава из романа "Юлгун"

Свадьба

Зимой многим людям, особенно колхозникам, обычно делать нечего, поэтому на свадебный вечер Гурракалона с Фаридой собралось много неприглашенных гостей. Толпа гостей лилась во двор рекой с шумным водоворотом, а дети кричали, словно стоя береговых чаек. Гогот карнаев и звук нагары сотрясал ночной холодный воздух. На улице у горящего костра танцевали мужчины, среди которых был Далаказан, который, кружась как смерч, плясал с огромным своим шкафом на спине. Во дворе за столом сидели гости, которые желали Гурракалону с Фаридой счастья, благополучия, много детей и долгую жизнь. Пили водку, закусывали, ели плов, разговаривали и, шутя друг с другом, громко смеялись. Вдруг дети побежали на улицу с криком:

- Огзилахат Тахтакахатовуч приехал! Урра-аа-аа!

За детьми последовали и взрослые во главе с Гурракалоном, который должен был с почтением встретить знаменитого певца, приехавшего за солидным гонораром. Выйдя на улицу, Гурракалон увидел машину "Москвич" старого образца, с квадратным салоном. Над автомобилем возвышались огромные чёрные колонки, похожие на сундуки, которые были прикреплены веревками на верхнем багажнике, чтобы они не перевернулись и не свалились по дороге. Из салона вышел молодой певец Огзилахат Тахтакахатовуч. Когда он улыбался, его золотые зубы сверкали как кошелек, набитый драгоценностями, при свете костра, который пылал на улице. Певец был низкорослым и толстым. Голова его была маленькая, как у гуся. Его бритая физиономия, маленький подбородок и лицо, подкрашенное косметикой, блестели как стекло. На нём были белая рубашка, черный пиджак и такие же брюки. На шее у него висел огненно-красный галстук. Певец Огзилахат Тахтакахатовуч, судя по одежде, был скорее похож на мелкого чиновника, чем на певца. Он бережно поправлял мизинчиком рано поседевшие волосы, которые он покрасил в темно-черный цвет.

- Ассаламалейкум, Гурракалон-ака, ассаламалейкум! Тойлар мубарак! – сказал певец Огзилахат Тахтакахатовуч, приложив к груди правую руку с золотым перстнем.

- Валаейкум ассалом, уважаемый Огзилахат Тахтакахатовуч, спасибо, что пришли, добро пожаловать – приветствовал певца Гурракалон.

Поприветствовав толстого певца с чересчур маленькой головой, он повел его во двор. Низкорослый и толстый певец Огзилахат Тахтакахатовуч шел по дорожке из белой ткани похожей на саван, шагая высокомерно, словно вождь дикого племени. Спереди и сзади него проворно семенили его телохранители в чёрных очках, жуя жвачку и пристально оглядываясь вокруг. Когда певец Огзилахат Тахтакахатовуч дошел до чорпаи, приготовленной для музыкантов, ведущий обратился к нему с приветствием:

- Вот и наш многоуважаемый, всемирно известный певец Огзилахаааат Тахтакахатовуууч! Прошу всех встать! Ваши аплодисменты, господа! Добро пожаловать, господин певец! – сказал он.

Гости стоя заплотировали певцу. Потом расселись по местам.

Певец тоже сел на приготовленное ему место. Пока он пил чай, который тщательно проверили его телохранители в передвижной лаборатории, прибежали музыканты с колонками на спине и с тяжелыми сумками в руках. Они быстро установили усилитель с огромными колонками, похожими на черные сундуки, а ведущий продолжал хвалебную речь в адрес низкорослого толстого певца с чересчур маленькой головой:

– Нет в мире равных нашему великому певцу господину Огзилахату Тахтакахатовучу, который своим могучим голосом может заглушить сотни микрофонов и самых мощных динамиков! Господин Огзилахат Тахтакахатовуч специально поет вполголоса, чтобы из ушей слушателей не начала сочиться кровь от его пронзительного пения! Теперь под Ваши аплодисменты я с особой радостью и гордостью приглашаю величайшего певца современности Огзилахата Тахтакахатовуча на сцену! – объявил он, присоединяясь к аплодисментам и приветливо улыбаясь Огзилахату Тахтакахатовучу. Тот поднялся на сцену, держа в руках японский микрофон без проводов, потом долго поздравлял Гурракалона с Фаридой.

– Дорогие Гурракалон-ака и Фарида-апа! – сказал он. Любовь, словно смерть, не смотрит на возраст! Она приходит, подкрадываясь, словно диверсант, который ночью нелегально пересекает священные границы нашей страны, которой вот уже четверть века неустанно правит наш мудрый Юртбаши! Я желаю Вам обоим долгую жизнь, много детей, и, конечно, денег! Потому что без денег человек – никто! Точнее говоря, деньги – это дерьмо, но человек без денег хуже дерьма! И ещё я хочу, чтобы ваши дети и внуки тоже стали сапожниками, как вы Гурракалон-ака! Почему? Да потому что в нашей стране профессия сапожника ещё веками будет в почете, так как наши соотечественники относятся к обуви с особой экономностью, то есть они носят её, ремонтируя вновь и вновь, не считая нужным покупать новую! Зачем покупать новую обувь, тратя лишние деньги из семейного бюджета, когда есть возможность отремонтировать её и носить на здоровье? Вот буквально вчера наш многоуважаемый Юртбаши назвал Новый год годом семейного благополучия! Вдохновившись словами нашего Юртбаши, я за одну ночь сложил много новых песен – целый альбом! Я хочу сейчас на этой сцене спеть коронную

мою песню из этого альбома! Песня называется "Юртбашим!"...
С этими словами Огзилахат Тахтакахатовуч запел надрывным женским голосом песню, посвящённую главе государства.

**- Ой Юртбаши, мой Юртбаши!..
Ой Юртбашимееееей, воеееееей Юртбашииыыым!..**

Тут неожиданно отключили свет, и голос великого певца Огзилахата Тахтакахатовуча куда-то пропал. То есть в свете холодной луны гости видели только его губы, которые жалко шевелились, как губы верблюда, который жуёт листья саксаула в голодной степи Мирзачуля, но голос его не слышали.

- Эх, черт, только этого не хватало – нервно пробормотал Гурракалон, сверкая глазами в темноте.

После этого двор, где проходил свадебный вечер, пришлось освещать допотопным способом, то есть зажгли огромные факелы, сделанные из старых матрасов, обмакнутые в керосин. Это выглядело романтично. Гости двигались со своими огромными тенями в покрытом шпалерами для виноградной лозы помещении, похожем на пещеру, как в каменном веке. Многие гости, набравшись лишнего, захмелели и начали петь лучше того певца-подхалима Огзилахата Тахтакахатовуча, который обманывая слушателей, пел свои дурацкие песни под фонограмму, давая большие концерты в столичных дворцах культуры. В это время один из пьяных гостей подошел к сцене и ударил ногой по заднице певца-подхалима Огзилахата Тахтакахатовуча.

- Слава Богу, что вовремя отключили свет. А то ты, козел, надоел со своей песней, которую ты посвятил своему Курбаши, подхалим несчастный! Ты что, не можешь, что ли, жить нормально, не подхалимничая каждую секунду. Вот из-за таких, как ты, эти чиновники чувствуют себя властелинами и угнетают свой собственный народ, воруя народные деньги в колоссальных размерах, ускользая при этом от рук правосудия и оставаясь безнаказанными! Из-за таких, как ты, нет у нас демократии в обществе! Кругом диктатура! Лютует коррупция! Страдает народ! - сказал он.

Певец подхалим Огзилахат Тахтакахатовуч отскочил,

схватившись за задницу, и велел своим телохранителям в черных очках немедленно убить гостя – врага народа, который поднял на него не только голос, но и ногу. Телохранители бросились на гостя, и завязалась драка. Гость оказался каратистом четвертого разряда. В считанные минуты он уложил на землю телохранителей певца-подхалима Огзилахата Тахтакахатовуча. Потом он подошёл к певцу-подхалиму Огзилахата Тахтакахатовучу, с презрением плюнул ему в глаза и спокойно направился к воротам. Гурракалон попросил прощения у певца-подхалима Огзилахата Тахтакахатовуча за то, что так получилось. Певец-подхалим Огзилахат Тахтакахатовуч вышел на улицу в окружении своих телохранителей и, увидев там страшную картину, зарыдал. Оказывается, кто-то спустил воздух из колес его служебной машины “Москвич” с квадратным салоном. И как назло, аккумулятор тоже украли. Хорошо, что оставили хоть раму с кабиной.

- Не расстраивайтесь, господин Огзилахат Тахтакахатовуч. Я сейчас скажу своему соседу Далаказану, и он отвезет Вас в город в своем шкафу – сказал Гурракалон, успокаивая певца-подхалима Огзилахата Тахтакахатовуча.

Тот, продолжая горько плакать, залез в шкаф Далакзана вместе со своими телохранителями. Музыканты прикрепили веревками огромные колонки, похожие на сундуки, над шкафом Далаказана и тоже забрались в шкаф.

– Хоп тогда, хайр-маъзур, спасибо, что пришли на нашу свадьбу – сказал Гурракалон, прощаясь с ними.

Босиком, скрепя по снегу, Далаказан побежал со своим шкафом на спине, громко крича:

- Жиийить жить -житталалалу - лалулаааа! - Жиийить жить -житталалалу - лалулаааа!

Он бежал над крутыми оврагами под светящей луной, отдаляясь все дальше и дальше.

– Как хорошо когда есть у человека хороший сосед, который в тысячу раз лучше любых ненадежных и неверных друзей – подумал со вздохом Гурракалон.

Но не тут-то было. Далаказан неожиданно потерял равновесие, так как огромные колонки над шкафом, похожие на сундуки, сдвинулись в сторону, и он побежал боком в сторону глубоких оврагов. На спуске Далаказан всё же смог удержать

равновесие, но не смог остановиться. Когда его ноги коснулись поверхности покрытой льдом реки, он начал со шкафом на спине скользить по льду, словно фигурист. Чтобы сохранить равновесие, он попытался сделать тулуп с пируэтом, как это делают фигуристы на соревнованиях по фигурному катанию. Поскольку в шкафу находилась команда певца-подхалима Огзилахата Тахтакахатовуча, то ему это не удалось сделать. Скользнув по льду на большой скорости, он ударился о береговую скалу, и его шкаф сломался.

